Мышка-норушка

Автор:
Мария Митрофанова

Мышка-норушка

Мария Митрофанова

Школьная тусовка

Мария Митрофанова

Мышка-норушка

Глава 1

– Папа, ну чем плоха моя школа? – в который раз заныла Даша, пытаясь переубедить отца в его решении.

– Дарья, ты взрослый человек, не заставляй меня в сотый раз повторять одно и то же.

Обращение «Дарья» означало только одно: папа сердит. Это девочка усвоила очень давно. Ее отец никогда не повышал голоса. Когда он сердился, то в его тоне появлялись официальные нотки, и обращался он к дочери, называя ее полным именем, без всяких умильных сокращений. А вот когда папа говорил «Дашута», это означало, что дочка может вить из него веревки и получить все, что хочется.

Сейчас явно был не тот момент. Даша еще раз тяжело вздохнула и побрела укладывать вещи. Попутно она показала язык своему отражению в зеркале. Там

отразилась всклокоченная девчонка в шортах и футболке и огромных очках в темной роговой оправе на маленьком носу.

Девочка вошла в свою комнату, села на пол перед раскрытым чревом чемодана и посмотрела по сторонам: от милого сердцу привычного уюта уже не осталось и следа. Постеры любимых групп и забавные карикатуры, которые дарил ей сосед Мишка, учившийся в художественной школе, были уже убраны, оставив на обоях более темные прямоугольники. Сиротливо валялся затасканный, некогда пушистый медведь, с которым маленькая Даша раньше спала в обнимку. Девочка никак не могла решить: брать ли его с собой? Игрушка, конечно, уже утратила свое первоначальное великолепие, но была самым первым подарком папы.

Даша обняла медведя, уткнувшись носом в его пахнущий пылью мех. «Я тебя не брошу. Пусть ты старый, а я уже выросла, но ты поедешь со мной!» – наконец решила девочка.

– Дашенька, – заглянула в дверь ее бабушка Анна Петровна, – Ты чего сидишь? Сколь еще всего укладывать, а ты со своей поклажей никак не разберешься.

Бабушка намеренно напустила на себя суровость, чтобы не расплакаться и не раздражать слезами сына, Дашиного отца. Старушке было ужасно тяжело покидать насиженное место. Сколько ведь всего было в этом доме! Но Анна Петровна согласилась с доводами Дмитрия, что девочке нужна новая школа, с более серьезными преподавателями, а сам он все время в разъездах, поэтому нельзя же девочку оставлять без присмотра надолго. Да и квартира пустует.

– Ой, бабуля, я задумалась! Сейчас соберусь!

Бабушка только покачала головой, глядя на внучку, которая принялась имитировать бурную деятельность. Анна Петровна понимала ее, – девочка привыкла здесь, ее пугали перемены и новый большой город, где придется снова искать друзей.

Из всего небольшого семейства Рычаговых только папа был абсолютно спокоен. Он четко знал, что принял правильное решение. Целый год Дмитрий Викторович ломал себе голову о будущем своей дочери, пока судьба не заставила его попасть на родительское собрание. Там он познакомился с классной

руководительницей Даши, преподавательницей литературы и русского языка Еленой Евгеньевной.

После обязательного на таких мероприятиях разбора успеваемости учеников и решения денежных вопросов, учительница отозвала Дашиного отца в сторону и сказала:

– Дмитрий Викторович, вам нужно серьезно подумать о будущем вашей дочери.

– А в чем дело, она что-то натворила? – спросил обеспокоенный родитель.

– Ну, разумеется, нет! Даша очень воспитанная и неконфликтная девочка.

– Приятно слышать. Но тогда я просто не понимаю смысла ваших слов. Я, конечно, в силу своей постоянной занятости не могу уделять дочери много времени, но плохим отцом себя не считаю.

– Дмитрий Викторович, вам не стоит обижаться на меня. Просто выслушайте и подумайте. Вы знаете, что ваша дочь Даша пишет чудесные стихи?

– Нет, ваши слова для меня полное откровение.

– Вот видите! Знаете, у девочки большое будущее, это я вам говорю, как филолог со стажем. Ей необходимо учиться, а наша школа, к сожалению, не может дать ей нужной подготовки.

– Спасибо, Елена Евгеньевна, я со всей серьезностью отнесусь к вашим словам.

* * *

После посещения гуманитарного лицея, который ему порекомендовала коллега, весьма довольная успехами своего сына и качеством преподавания в этом учебном заведении, Дмитрий Викторович принял окончательное решение: он перевозит дочь и мать к себе, благо размеры практически пустующей квартиры позволяли. Дело в том, что Дашин папа работал в туристической фирме, организующей круизы для очень состоятельных клиентов. Доход такая работа

давала весьма солидный, но требовала постоянных разъездов.

Дмитрий Викторович освободил две комнаты под переселение свих «милых женщин», как он их называл, и поехал к ним, чтобы сообщить о скором переезде. Он совершенно не ожидал, что его решение встретят в штыки. Ну ладно старушка-мать, но Дарья! Девочке сам Бог велел рваться в большой город от рутинного существования в провинции, а она уперлась!

В конце концов, бабушка встала на его сторону. Самое забавное, что сломило ее упорство опасение за пустующую квартиру. Анна Петровна не могла допустить, чтобы сына обворовали, а вот то, что внучке нужна новая школа, понимать никак не хотела.

Продажа дома, упаковка контейнера с вещами, битва с матерью из-за каждой рухлой единицы мебели, которую она непременно собиралась забрать с собой, вымотали Дмитрия Викторовича до предела, да еще заняли практически весь его с таким трудом выбитый в августе отпуск, часть которого он планировал провести с дочерью, показать ей город, походить с ней по магазинам.

После слов учительницы отец испытывал чувство вины к Даше. Ведь когда погибла ее мать, он отправил девочку к бабушке, а сам погрузился в работу, чтобы унять ужасную боль от потери любимой жены. Потом он, когда навещал своих женщин, всегда привозил для Дашуты подарки, но как-то не совсем понимал, что же нужно для маленькой девочки. Анна Петровна так часто выговаривала сыну за несуразную одежду, что он махнул рукой, и стал возить дочке только игрушки и сладости.

Одежду для внучки стала покупать экономная бабушка, которая за отсутствием вкуса, оценивала вещи с точки зрения практичности и минимальной цены.

Итогом бабушкиных усилий стало то, что Дарья одевалась в бесформенные свитера и «немаркие» юбки и джинсы. И то: право носить джинсы девочка отвоевала в упорной борьбе. Бабушка согласилась только после того, как Даша сказала: «Я что, хуже других? У всех девчонок есть, а у меня нет!» – и залилась слезами.

Этого Анна Петровна вынести не могла. Она всегда считала, что надо быть, как все, или лучше. Бабушка и мысли не допускала, что ее внучка может быть хоть в

чем-то хуже других. Поэтому, каждый год с наступлением осени, Даша вступала с бабушкиной прижимистостью в схватку из-за покупки джинсов. Заветное «я что, хуже всех должна быть» выскакивало из внучкиных уст в нужный момент, и бабуля, скрепя сердце, отваливала безумную сумму за фирменные штаны. Но еще пару дней ворчала, что «на этакие деньжищи можно было купить четверо портков», и только потом успокаивалась до следующей осени.

Других разногласий между бабушкой и внучкой не было, и жили они очень дружно. Особенно Даша любила бабулины напевные сказки, они завораживали ее, трогали чувствительные струны ее детской души.

– Бабуля, расскажи сказку, – канючила Даша долгими зимними вечерами, когда Анна Петровна усаживалась с вязанием в продавленное кресло под торшером.

– Даша, ну какие сказки, ты ведь уж большенькая совсем! – притворно вздыхала старушка.

– Ну, бабуля, ну, пожалуйста! – не отставала девочка.

Анна Петровна польщенно улыбалась и начинала:

– В некотором царстве, в некотором государстве…

А внучка затихала и слушала. Нет, недавно известные наизусть сюжеты сказок привлекали девочку, а какой-то особенный внутренний ритм, будивший в Даше смутные ответные образы. В десять лет эти образы впервые вылились на бумагу.

Греется кот у печки,

Теплится Богу свечка.

Не бойся зимней метели

И не дрожи, сердечко…

Тихо сверчки запели,

Спят под окошком ели.

Спрячусь в укромном местечке,

Что мне с любовью согрели.

Затем стихи стали появляться снова и снова. В конце концов, после долгих сомнений, девочка показала тетрадку с неровными детскими строчками учительнице.

Даше повезло с преподавательницей: Елена Евгеньевна тонко чувствовала поэзию, она удивилась тому таланту, искорки которого заметила в стихах ученицы. Учительница пообещала себе помочь девочке развить этот редкий дар.

* * *

Переехали Рычаговы двадцатого августа. Дмитрий Викторович привез свое семейство на машине, дорогой показав Даше ее будущую школу. Заново отделанное старинное здание произвело на девочку странное впечатление. Ей казалось, что оно подавляет ее своим величием. «Какой-то мрачный дворец, а не школа» – подумала Даша.

На следующий день прибыл контейнер с вещами и внучка с бабушкой занялись устройством своих комнат. Анна Петровна контрабандой протащила вязаные коврики, вышитые салфеточки и занавесочки с оборочками, с помощью которых быстренько превратила свое жилище в подобие филиала фольклорного музея.

Дмитрий Викторович ужаснулся эклектичному виду комнаты, но промолчал, щадя чувства своей старой матери.

Даша поначалу загрустила: слишком чужой показалась ей комната, обставленная новой, пахнущей лаком мебелью. Но потом, разложив по полкам одежду и книги и залепив стену над столом рисунками и постерами, она немного ожила. К тому же, вид из окна был потрясающий! Квартира располагалась на восьмом этаже, и весь город был, как на ладони. Особенно понравился девочке мост через реку: вечером он перерезал темную ленту воды цепью ярких огней. «Здесь можно жить» – решила Даша.

Глава 2

(Из дневника Даши)

2 сентября. Я была права. Ничего хорошего в этой школе нет. Мало того, что папа прямо перед первым сентября уехал, так еще, оказывается здесь другая программа и надо опять покупать новые учебники! Я же города не знаю, где искать – не понятно.

Хотела написать письмо Мишке-художнику, а кроме жалоб ничего не выходит. А зачем ему мое нытье? Лучше выплачусь в дневник, он все выдержит. Вот бабуле проще – она уже со всеми старушками перезнакомилась, сидит вечерами на лавочке, учит соседок огурцы солить и капусту квасить. А мне что делать прикажете? В школе ребята все такие самоуверенные, девчонки красивые, как будто не учится пришли, а фотографироваться для каталога модной одежды. Так на меня посмотрели, я чуть сквозь землю не провалилась! Ну не красивая я, и что?

А тут еще новая классная вывела к доске и давай распинаться: «Это новая ученица! Она из провинции! Будьте к ней снисходительны!» как будто мне нужно их снисхождение. И смотрят теперь на меня, как на сироту казанскую. Ну, как тут выдержать?

3 сентября. Это какой-то кошмар! Полкласса в очках, а эта Белова ко мне прицепилась: «У тебя что, Даша, с глазами что-то серьезное?» Отвечаю, что обычная близорукость, минус два всего. А она опять мне: «А зачем тебе такие странные очки?» – и жалостливо так на меня смотрит. И чем ей мои очки не угодили? Обычные очки, я привыкла. Какие бабушка в оптике заказала, такие и ношу.

Потом Белова отошла от меня и шу-шу-шу с другими девчонками про меня, и зыркают исподтишка, как будто я ничего не вижу. Я же не слепая, а только в очках.

5 сентября. Как я опозорилась сегодня на алгебре! Вызывает меня Павел Юрьевич к доске решать задачу, иду себе смело, материал знаю, ничего сложного, я заранее учебник на целый раздел пролистала, чтобы в курсе быть. Иду я себе, а тут умник Рыжов за рукав дергает и говорит: «Рычагова, не трусь, если что, подскажем». Тут меня и переклинило! Дошла до доски, сама, как рак, красная, щеки полыхают, в ушах звон, руки дрожат так, что мел удержать не могу. Едва условие записала, Павел Юрьевич три раза повторял.

Хорошо, что звонок меня от мучений избавил. Сбежала я в туалет, заперлась в кабинке и проревела всю большую перемену. Это ж надо такому случиться! Никогда такого не было.

6 сентября. Оказывается, алгебра – это еще цветочки! Биология стала верхом моего унижения. Забыть строение цветка и десять минут мямлить, еле-еле выдавливая из себя слова! Поставили мне сочувственную четверку. Что со мной творится, не понимаю. Я же все это знаю, я же бабулин справочник лекарственных растений вдоль и поперек изучила еще в прошлом году! А остальные отвечают себе так спокойненько, так небрежненько, как будто с подружкой беседуют, а не у доски стоят! Ну откуда у них у всех такая самоуверенность!?

8 сентября. Когда же приедет папа. Я хочу в другую школу! Он же говорил, что это гуманитарный лицей, на фига же тогда физкультура? Из-за этой физры опять с бабулей повздорили. У всех такие спортивные костюмы: «Найк», «Пума», что-то еще, умопомрачительное и непонятное. А у меня минская трикотажная фабрика, да еще болотно-серого цвета! Говорю бабушке: мне форму новую надо, а она в ответ, что, мол, и эта еще не сношена. Я ей про «хуже всех», а она – отца дожидайся. И что теперь делать? Одно утешение: по литературе учитель классный, не хуже моей Елены Евгеньевны. Так рассказывает интересно! И совсем не по учебнику. Я просто заслушалась. Надо узнать, где тут библиотека, и взять книги, о которых он говорил. Да, Игорь Сергеевич – учитель, что надо.

9 сентября. Первый светлый момент со дня моего пребывания в новой школе: я получила пятерку за сочинение! Игорь Сергеевич меня очень хвалил. Вот только зря он это перед всем классом сделал, – ребята уставились на меня, как будто я

инопланетянка. А на перемене окружили вшестером: Белова, как всегда, Рыжов, и вся их компания, давай поздравлять! «Молодец, Даша, так держать! Давай мы тебе с другими предметами поможем!» Как будто мне нужна их помощь! Я и так не дура. Просто я их всех стесняюсь. Оставили бы меня в покое, зачем я им. Они все красивые, стильные, я среди них, как ворона. Эх, была бы каждый день одна литература! Так здорово! Только страшно, что к доске вызовут, а, вдруг, я и здесь опозорюсь?

11 сентября. Сегодня ночью прилетел папа! Привез мне раковину – большая, красивая, и море в ней шумит. Здорово! Я так обрадовалась, а папа сказал, что завтра сдаст отчет и будет целых три дня дома. Наконец-то мы с ним обо всем поговорим!

* * *

Дмитрий Викторович вернулся к своим женщинам в самом радужном настроении: последняя его поездка была чрезвычайно успешной и обещала ощутимую прибавку зарплаты. Группа отправила руководству турфирмы самые лестные отзывы об организации круиза вообще и сопровождающем гиде в частности.

Анна Петровна встретила сына, будучи уже вполне довольной жизнью. Старушка успела освоиться на новом месте, обзавестись знакомствами и решить, что везде люди живут. К Диме у нее был только один вопрос: необходим срочный и подробный инструктаж по пользованию многочисленной и разнообразной бытовой техникой, которой кухня была нафарширована до отказа.

Анна Петровна рассудила, что раз ей придется царить в этом сверкающем месте, то надо осваивать все имеющиеся в распоряжении блага цивилизации в ускоренном темпе. К тому же соседские старушки поделились рецептами новых блюд, которые без применения миксера и микроволновки приготовить было просто невозможно.

Эти самые соседки могли, конечно, просветить новую подружку на предмет пользования кухонными приборами, но Анна Петровна ни за что бы не призналась им в своем невежестве. Да и приглашать в сынову богатую квартиру

чужих людей она пока еще не осмеливалась.

Просьбу матери Дмитрий Викторович нашел весьма своевременной и легко выполнимой и пообещал все утреннее время от завтрака до обеда посвятить преподаванию практических навыков поведения на современной кухне.

Удивила его дочь. Любящий папа зашел в ее комнату, чтобы взглянуть на свое спящее чадо, так как прибыл он достаточно поздно, но обнаружил Дашу бодрствующей с ручкой в руке.

– Дашута, здравствуй! Ты чего не спишь?

– Ой, папа!…

Девочка вскочила со своего места и бросилась в отцовские объятья, в которые папа с радостью ее заключил. Когда пер-вые восторги встречи немного поутихли, Дмитрий Викторович повторил свой вопрос:

– Дочка, а все-таки, ты почему до сих пор не в постели?

– Ой, папа, мне было так грустно, что я села за свой дневник.

– А ты ведешь дневник?

– Да, и уже давно.

– А почему тебе было грустно?

Даша смутилась. Ей не хотелось портить радость от встречи с папой, поэтому она просто сказала:

– Я очень соскучилась по тебе.

– Ах ты моя малышка! Ну ладно, уже поздно, поэтому ложись-ка спать! А завтра мы весь день проведем с тобой вместе.

– Ура! Тогда – спокойной ночи!

– И тебе тоже, моя хорошая!

Дмитрий Викторович поцеловал дочку и вышел из ее комнаты. А Даша быстро написала в дневнике несколько строк, юркнула в свою постель, уютно свернулась там клубочком и спокойно заснула.

Утром все семейство Рычаговых встретилось за завтраком. Бабулины оладьи с банановым джемом пошли на ура. Потом папа выполнял свое обещание по поводу инструктажа бабушки. Та помногу раз переспрашивала одно и тоже, всплескивала руками и опасливо тыкала в кнопочки. И смех, и грех, да и только!

А Даша, которой не терпелось единовластно завладеть папиным вниманием, своим присутствием на кухне вносила дополнительную сумятицу. От ехидных, но добродушных реплик внучки Анна Петровна и сердилась и смеялась одновременно.

Да и как можно было долго сердиться, например, на такое Дашино замечание:

Миксер хоть и страшный зверь,

Ты его не бей об дверь!

Он рычит, но не кусает,

Крем для торта он взбивает.

Такие шуточные экспромты сыпались из девочки через каждые несколько минут. Даже папа не мог долго оставаться серьезным, слыша дочкины комментарии:

Вот мясорубка электрическая,

Визжит, как дама истерическая.

Но фарш она нам так намелет, –

Бабуля сроду не сумеет.

Это, конечно, стихами назвать было нельзя, но скорость, с которой Даша выдавала рифмованные строчки была удивительной.

Когда процесс обучения бабушки был закончен, папа повез Дашу на своей машине показывать город. Зелененькая «Вольво» шустро катила по чистеньким улицам, а девочка во все глаза смотрела и запоминала. Подумать только, в этом городе было целых три библиотеки!

Когда Даша попросила папу остановиться и записать ее хотя бы в одну из них, то Дмитрий Викторович сказал, что это она сумеет сделать и одна, и привез ее к огромному книжному магазину. Там, помимо учебников, было еще множество разных книг: от солидных, с золотым тиснением, томов классики, до самых последних новинок различных издательств.

У Даши разгорелись глаза, она никогда раньше не видела подобного изобилия. А тут еще папа разрешил выбрать ей все, что она хочет. В конце концов, отец и дочь Рычаговы вышли из магазина нагруженные увесистыми стопками книг, а магазин, только в их лице, получил немалую выручку.

Глава 3

– Папа, – спросила Даша, – А ты можешь купить мне новый спортивный костюм?

– А что, дочка, бабушка тебе к школе ничего не купила?

Девочка смутилась. Конечно, у нее было, что надеть, и вещи все были достаточно добротные. Вот только, как объяснить отцу, что ей нужно, если она сама толком этого не понимает? Даше просто хотелось не выделяться среди своих одноклассников.

– Да нет, пап, у меня все есть. Но, понимаешь…

– Что, ты его порвала случайно и хочешь, чтобы бабушка не узнала? – попытался угадать Дмитрий Викторович.

– Что ты папа, я бабуле никогда не вру! – возмутилась Даша, – Просто я хочу другой!

Ничего умнее девочка сказать не смогла.

– Вообще-то, мы с тобой можем позволить покупку нескольких лишних нарядов, если тебе хочется. Но почему именно спортивный костюм? Ты что, спортом любишь заниматься?

– Ой, ну конечно нет! Я уроки физкультуры и то терпеть не могу! А ты говоришь – спорт.

– Тогда я тебя совсем не понимаю! Это что, какая-то подростковая мода, ходить в спортивных костюмах? Если так, то я этого не одобряю.

Даша тяжело вздохнула. Неужели и сейчас придется говорить заветную бабушкину фразу?

– Пап, это не мода, я про моду вообще мало знаю. Просто у меня самый невзрачный спортивный костюм в классе! – последние слова девочка выпалила на одном дыхании.

– Невзрачный? Даша, объясни мне все это поподробней.

Дочь снова тяжело вздохнула:

– Постараюсь. Ты знаешь, пап, я раньше никогда особо не обращала внимания, во что одета. А сейчас я новенькая, на меня и так все смотрят постоянно, когда к доске иду и вообще… А тут еще и одета я не так, как все. А я не очень хочу выделяться.

– А что плохого в том, чтобы выделяться? – опять не понял папа.

– Ну папа, как ты не понимаешь! Я еще не привыкла к новой школе, мне сложно, а тут еще и одета хуже всех! – сама того не желая, Даша привела последний аргумент.

А на Дмитрия Викторовича напал педагогический стих: он решил убедить дочку в старой истине, что встречают по одежке, а провожают по уму. Он разразился на эту тему длиннейшей тирадой. Даша сникла окончательно. Она все это и сама знала и вовсе не собиралась выпрашивать у отца кучу новых нарядов, ей просто нужно было стать, как все, чтобы ее оставили в покое.

– …Ты согласна со мной? – закончил папа.

Даша огорченно кивнула, но решила сделать еще одну попытку:

– Папа, а почему ты на работу ходишь в строгом дорогом костюме, а не в джинсах?

– Костюм – это, своего рода, униформа. Он помогает мне. Если бы я пришел в джинсах, то мне гораздо труднее было бы расположить к себе клиентов и вызвать у них доверие.

Девочка поняла, что она на верном пути:

– Так и я об этом же самом! Неужели ты не можешь понять, что мне нужно для начала одеться, как все, чтобы на меня не глазели. Мне так легче будет.

– И для этого тебе нужен новый спортивный костюм?

– Да.

– Даша, я, честное слово, ничего не понял из твоих объяснений. Но покупка костюма – не проблема. Вон фирменный магазин «Пума», сейчас купим.

Дмитрий Викторович притормозил на обочине дороги и повел дочь за покупкой. Внимательные девушки-продавцы выложили перед девочкой целую груду одежды ее размера. Даша выбрала костюм в сине-черной гамме, пару маек и темные кроссовки.

Когда отец и дочь покидали магазин, то он спросил:

– Ты теперь довольна?

– Да. Только мне бы еще хорошие очки…

– У тебя что, снова ухудшилось зрение? – обеспокоился папа.

– Да нет, со зрением все в порядке.

– Ну и слава Богу!

Даша украдкой вздохнула: снова объяснять папе то же самое, но теперь по поводу очков ей совсем не хотелось. Она решила пока ограничиться костюмом, а потом, когда окончательно продумает, как и что говорить, вот тогда и убедить папу.

* * *

– Белова! Светка! – запыхавшийся Рыжов догонял девочку, размахивая руками, – Да подожди ты!

– Слава, ну зачем ты так орешь?

– А ты могла бы и сама остановиться!

– Зачем?

Светлана Белова внешне соответствовала своим имени и фамилии: эдакая юная зеленоглазая валькирия, взгляд которой всегда был направлен прямо на собеседника, добиваясь ясности и определенности. «Светлая девочка» – отзывались о ней учителя.

Сейчас Светкин взгляд был устремлен на немного нескладного долговязого Славку Рыжова. Мальчик унаследовал от своей матери непоседливый импульсивный характер, а от отца – блестящие способности к любым наукам. Славка пока еще и сам не решил, чем ему хочется заниматься больше, поэтому в гуманитарный лицей подал документы вслед за своей старой подругой Беловой, с которой жил в одном доме. Светка же была девочкой целеустремленной и мечтала о карьере журналистки.

– Что значит, «зачем»? Мне с тобой поговорить надо!

– Слава, мы с тобой и в школе поговорить можем. А опаздывать я не люблю.

– Свет, я когда-нибудь рехнусь от твоей правильности!

– Ох, Рыжов, если бы ты не был таким талантливым, я бы прямо сейчас сказала тебе, что ты уже давно рехнулся!

Славка тяжко вздохнул, закатив глаза:

– Все-все, тайм-аут! У меня к тебе совсем другой разговор.

– И о чем?

– Что нам делать с новенькой? Это же не порядок, что в нашем классе объявилось такое чудо! Причем, помощь принять она не желает.

– Тут ты прав. Если ее приняли в наш класс, значит она не дура. Но тогда не понятно, что с ней происходит. Ты вспомни, какое она сочинение блестящее написала! И, вообще, у нее все письменные работы хорошие.

– И я о том же. Девчонка-то вроде нормальная. Одета, правда, черт знает как. Я сначала думал, что она из бедной семьи, но потом пригляделся, а рюкзачок-то у нее английский, кожаный, здесь такого не купишь. Стоит он, я тебе доложу, как целое пальто!

– Ну, это еще не показатель. Может, ей кто из родных подарил. А насчет того, что одевается она ужасно – это ты прав. И дело тут не в деньгах. Со вкусом у нее напряг. Мы с девчонками на эту тему говорили. Катька Семенова, вспомни, по направлению к нам пришла, из интерната, как особо одаренная, помнишь?

– Это та, что в этом году в Москву отправилась?

– Ну да, она. Так вот, Катька по выходным у меня дома за машинкой сидела. Ей стипендия полагалась, так она все вещи сама себе шила.

– Да ты что?

– Честное слово. Она даже моей маме такой фасон придумала, что маман на банкете затерроризировали: от какого кутюрье у нее наряд.

– Во дает!

– Так это я к тому, чтоб ты понял: дело не в том, сколько стоят тряпки, которые Рычагова носит. Какая-то она зажатая.

– Это правда. Я ее тогда на алгебре подбодрить хотел, а она сжалась вся, будто я ее по голове стукнул. И что делать будем?

– Знаешь, Славик, я пока не решила. У нас сейчас физра будет, и я подумаю, а на перемене скажу. Ты мальчишек предупреди, вместе соберемся и поговорим.

– Порядок!

И ребята разошлись каждый в свою раздевалку.

Даша Рычагова пришла в новой спортивной одежде. Но пумовский костюм с иголочки волшебного превращения не произвел. Вот если бы она еще держалась поувереннее, тогда вообще все было бы отлично. А так ее ожидания стать «как все» снова не оправдались. Ребята весь урок бросали на нее заинтересованные взгляды.

Бедная девочка от смущения опять стала страшно неловкой. К концу урока Даша была совершенно пунцовой и, едва переодевшись, пулей выскочила из раздевалки.

Белова, Рыжов, Вера Бреусова, Дима Проскурин, Ира Бокова и Макс Крайц собрались на перемене на маленькое совещание. Светка и Славик успели посвятить остальных в подробности своего утреннего разговора. Сейчас, как всегда, начала Светка:

– Ребята, что будем делать с новенькой?

– Свет, а что с ней делать? Давай после уроков поговорим с ней все вместе, может, у нее нелады в семье, и ей просто не до чего сейчас, – предложила рассудительная Бокова.

– Мысль здравая, – поддержал ее Макс. – Только нужно как-нибудь узнать, нет ли у нее проблем в семье, как и говорит Ира. А то вдруг мы некстати со своим участием.

Тут высказался Славка:

– Ребята, а давайте я журнал стащу!

– Это зачем? – насторожилась Светка.

– Ну как же, там, на последней странице, все сведения о родителях! Вот мы все и узнаем.

– Ну, все не все, а кое-что действительно узнать оттуда можно, – согласился Макс. – Только зачем красть? Я и так у Ады Игнатьевны журнал взять могу.

– Ну вот, – протянул Славка. – Вечно ты, Крайц, всю романтику испортишь!

– Славик! – Ира посмотрела на мальчика, как на больное дитя. – Твоя романтика всем уже поперек горла стоит!

– Ирка, ну хоть ты мораль мне не читай! А то словно сговорились со Светкой!

Как только он это сказал, девчонки, с молчаливого одобрения мальчишек, чуть не побили несчастного Рыжова. Но он отбежал в сторону, поднял успокаивающе руки вверх и произнес умиротворяюще:

– Все-все, понял, заткнулся, умер. Кто идет за журналом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mitrofanova_mariya/myshka-norushka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить